

В. К. Кантор

Русский бог*

Александру Зиновьеву

В Мюнхине (а будто из Москвы
и не улетал — заметил уж бы)
я засыпан золотом листвы...
золотом забот заветной дружбы.

Отболело бабье лето там
женскую тоской неутоленной.
Почему ж (не лжив и не упрям)
Вижу ЗДЕСЬ по рощам и лугам
осени московской лик исконный?

* Это стихотворение было написано двадцать лет назад в связи с долгими беседами о Маяковском между А. А. Зиновьевым и мной. Никогда не думал прежде, что когда-нибудь состоятся такие разговоры. Да еще с такой запальчивостью, с таким безоглядным восхищением Поэтом. Мне бы — старому маяковцу — больше бы к голосу, к душевному кипению такая неумная горячность. А тут запатентованный «антисоветчик» Александр Зиновьев. Я не могу сказать о себе, что я был удивлен: я давно и хорошо знал автора «Зияющих высот». Но я представлял себе искаженные лица гонителей Александра за «антисоветчину», когда они прочтут панегирик певцу Октября и Советской власти, произнесенный в тихих, ухоженных улочках предместья Мюнхена, с глазу на глаз со своим старинным другом, без расчета на то, что его суждения когда-либо попадут в печать. Да я и сам не думал об этом. И только теперь, когда раздалось змеиное шипение действительных «прокуроров и судей» нашей Революции, нашей советской Славы, я раскопал среди магнитных лент карманного диктофона бесценные записи моих бесед с Александром и среди них свое стихотворение, наспех написанное ко дню рождения Александра 29 октября 1987 г., — других подарков у меня не было.

Почему? Не потому ль, что Бог,
Русский Бог хождение по мукам
продолжает, выгнан за порог
Родины за правду горьких строк
в пивом упивающийся Мюнхин?

Был Пилат. И был Синедрион —
философоблудов пересуды
Рабством самомнения лишен,
собственным народом предан он
все его апостолы — Иуды.

Не в могилу, не в Гулаг — в Германию,
Но Голгофа здесь и без Креста
Разве не распятие — изгнание
из России русского Христа?

Для того ли, мучая, растила?
Для того ли гением рожден?
Без него Россия — не Россия
Русь Святая ныне здесь, где ОН.

С хохломой и гжелью, рядом с пашнею
Бог с Богиней — Маленькая Русь
За Большую, за почти пропавшую
Здесь тебе, о, Господи, молюсь.

Опус мой слабый, неуклюжий, непоэтический. Если я все же согласился сегодня на его публикацию, то только потому, что в нем выражена моя любовь к Зиновьеву, к его жене — Ольге, женская обворожительность которой не мешала ей оставаться заботливой домоправительницей, и к тому же помощницей и вдохновительницей своего гениального мужа. Без ее поддержки и помощи многие книги Зиновьева так и не увидели бы света. Более двух месяцев я провел у гостеприимной четы Зиновьевых. Александр все еще оставался ссыльнопоселенцем: российского гражданства ему еще не вернули. Дом их полон изделий русских кустарных промыслов: за окном пожухлая трава обширного поля, а за полем вырисовывалась кромка леса: и березы, и ольха, и осина — все, чем богат русский лес. Оторванные от родины москвичи выбрали для жительства место, более всего напоминавшее любимое Подмоскovie. Не об этой ли горнице, где куковала остатние немецкие дни русская девица-красавица Полина, дочь Зиновьевых, Пушкин произнес «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»?

Стражи мрака уж давно пронюхали,
Защищая коммунальный низ,
не в Кремле — в недавно вражьем Мюнхине
весь в Тебе — реальный коммунизм.

С высоты «Зияющих высот»,
с кручей мыслей, недоступных прочим,
видишь свар людских кровенворот,
видишь прошлое и зная наперед,
что еще с Землей произойдет,
проповедуешь, клянешь, пророчишь.

Бог — звезда, не дай продлить Зимовье,
Отогрей лучами льдину — Русь.
Я родился под звездой Зиновьева
и Тебе, о, Господи, молюсь.

В Мюнхине (а будто из Москвы
и не улетал: обман — дорога)
я засыпан золотом листвы
русского Завета друга — Бога.

28 октября 1989 г., Мюнхен